

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Карлик Нос, стр. 3

рукой, а когда он подошел поближе, ему почудилось, будто она бледнее обычного. Он медлил, не зная, как поступить; наконец собрался с духом, подкрался к ней сзади, ласково положил ей руку на плечо и сказал:

– Матушка, тебе нездоровится? Ты сердишься на меня?

Женщина обернулась, но тут же отпрянула с криком ужаса.

– Чего тебе от меня надобно, противный карлик! – воскликнула она. – Ступай, ступай прочь! Терпеть не могу глупых шуток!

– Но что с тобой, матушка? – спросил перепуганный Якоб. – Тебе, верно, неможется, почему ты гонишь прочь своего сына?

– Сказала тебе, ступай своей дорогой! – раздраженно ответила Ганна. – С меня ты, мерзкий урод, своим кривляньем ничего не заработаешь.

«Верно, бог лишил ее разума, – в страхе подумал малыш. – Что мне теперь делать, как довести ее до дому?»

– Милая маменька, приди в себя, посмотри на меня хорошенько, – я ведь твой сын, твой Якоб.

– Нет, теперь шутка становится слишком наглой, – крикнула Ганна, обращаясь к соседке, – вы только взгляните на уроды–карлика, стоит тут и отпугивает всех покупателей, да еще смеет издеваться над моим горем. Говорит – я твой сын, твой Якоб! Ах он бесстыдник!

Тут всполошились все соседки и принялись ругаться изо всех сил – а рыночные торговки, сами знаете, ругаться горазды – и напали на него за то, что он издевается над несчастьем бедной Ганны, у которой семь лет тому назад украли сына – писаного красавца, и стали грозиться, что все вместе набросятся на него и исцарапают, если он не уберется подобру–поздорову.

Бедняжка Якоб не знал, что и подумать. Ведь он же, как ему сдавалось, сегодня утром пошел, по обыкновению, с матерью на базар, помог ей разложить фрукты, затем пошел со старухой к ней домой, покушал супцу, вздремнул немножко и теперь вот вернулся на базар, а мать и соседки говорят о семи годах. А его называют мерзким карликом! Что же это такое с ним приключилось? Когда он понял, что мать и слышать о нем не хочет, на глазах у него выступили слезы, и он печально побрел к лавчонке, где отец целый день чинил башмаки. «Увидим, – думал он, – признает ли он меня; я стану в дверях и заговорю с ним». Подойдя к сапожнику, он стал у двери и заглянул в лавчонку. Хозяин так рьяно трудился над своей работой, что не заметил его; но, случайно взглянув на дверь, он уронил на пол башмак, дратву и шило и в ужасе закричал: «Господи боже мой, да что это такое, что такое!»

– Добрый вечер, хозяин! – сказал малыш, входя в лавку. – Как поживаете?

– Плохо, плохо, господинчик! – ответил отец, к большому удивлению Якоба; выходит, что отец его тоже не знает. – Работа не спорится. Я один и старею, а взять подмастерье не по карману.

– А разве нет у вас сыночка, который бы понемножку помогал вам в работе? – выводывал карлик.

– Был у меня сынок, звали его Якобом, теперь бы он был статным, ловким двадцатилетним юношей и мог бы здорово подсобить мне. Да, вот это была бы жизнь! Уже в двенадцать лет он был смышленным, умелым мальчишкой и разбирался в моем ремесле, а уж какой красавчик, какой учтивый! Он привлек бы заказчиков, так что скоро я бы уже не чинил башмаки, а только тачал бы новые! Но так уж ведется на свете!

– А где же ваш сын? – дрожащим голосом спросил он отца.

– Бог ведает, – ответил тот, – семь лет тому назад – да, теперь уже с той поры утекло столько времени – его украли у нас на базаре.

– Семь лет тому назад! – в ужасе воскликнул Якоб.

– Да, крохотный мой господинчик, семь лет; как сейчас помню, пришла жена домой, вся в слезах, и, громко рыдая, сказала, что весь день напрасно прождала мальчика; она всех расспрашивала, всюду его разыскивала, но так и не нашла сына. Я всегда думал, всегда говорил, что так случится; Якоб был красивым ребенком, это надо признать, и жена им гордилась, ей льстило, когда его хвалили, и часто она посылала его с овощами и всякой всячиной к знатым господам. Это было не плохо, – каждый раз его щедро одаривали; но я говорил ей: смотри! Город велик, в нем живет много недобрых людей, смотри за Якобом. Как я говорил, так оно и вышло. Приходит как–то раз на базар уродливая старуха, приценивается к фруктам и овощам и покупает под конец столько, что не может сама донести до дому. У жены моей сердце отзывчивое, она отпустила с ней мальчишку – и с тех пор его так и не видели.

– И вы говорите, тому уже семь лет?

– Весною будет семь. Мы объявили о нем, ходили из дома в дом и всюду расспрашивали; многие знали и любили красавчика–мальчика и вместе с нами искали его, – все напрасно. Женщину, купившую овощи, тоже никто не знал, – только одна дряхлая старушонка, прожившая девяносто лет, сказала, что это, пожалуй, злая волшебница Травозная, которая раз в пятьдесят лет приходит в город за всякими закупками.

Так рассказывал отец Якоба и при этом громко стучал по башмаку и обеими руками вытягивал дратву. Маленькому человечку постепенно стало ясно, что с ним случилось; он не во сне, а наяву семь лет прослужил в белках у злой волшебницы. Сердце разрывалось от гнева и горя. Старуха украла у него семь лет юности, а что получил он взамен? Навострился наводить глянец на туфли из кокосовых орехов да держать в чистоте комнату с зеркальным подом? Научился у морских свинок тайнам поварского искусства?

Он простоял некоторое время, раздумывая над своей участью; в конце концов отец спросил его:

– Может быть, вам угодно мне что–либо заказать, молодой человек? Пару новых туфель или, – прибавил он, усмехаясь, – может быть, футляр себе на нос?

– Почему вам дался мой нос? – спросил Якоб. – К чему мне футляр на него?

– Ну, кому что нравится, – возразил башмачник, – но должен сказать, будь у меня такой страшный нос, я бы заказал на него футляр из розовой лакированной кожи. Вот взгляните, у меня как раз под рукой хороший лоскут; правда, на футляр пойдет не меньше локтя, но зато как бы это вас уберегло, крохотный господинчик: я уверен, вы натываетесь на всякий дверной косяк, на всякую повозку, когда хотите уступить ей дорогу.

Крохотуля онемел от страха; он потрогал свой нос – нос был толстый, и в длину не меньше двух пядей! Значит, старуха переменила ему наружность, потому–то мать и не узнала его, потому–то и обзывали его уродцем–карликом!

– Хозяин! – обратился он, чуть не плача, к сапожнику. – Нет ли у вас под руками зеркала, чтобы мне поглядеться?

– Сударь, – серьезно ответил отец, – не такая наружность досталась вам, чтобы ею любоваться, и незачем вам то и дело глядеться в зеркало. От этого следует отвыкать: у вас такая привычка особенно смешна.

– Ах, дайте мне взглянуть в зеркало, – воскликнул карлик, – уж конечно, дело тут не в любовании собой!

– Оставьте меня в покое; нет у меня зеркала; у жены был осколок, да не знаю, куда она его запрятала. А уж ежели вам обязательно нужно поглядеться в зеркало, то через улицу живет Урбан, брадобрей, у него есть зеркало в два раз больше вашей головы; поглядитесь в него, а пока будьте здоровы!

С этими словами отец осторожно выпроводил его из лавки, запер за ним дверь и снова сел за работу. А Якоб, совсем убитый, перешел через улицу к брадобрею Урбану, которого помнил еще с прежних времен.

– Доброе утро, Урбан, – сказал он, – я пришел попросить вас о любезности, будьте так добры и позвольте мне поглядеться у вас в зеркало.

[Назад](#) << [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#) [8](#) [9](#) >> [Дальше](#)